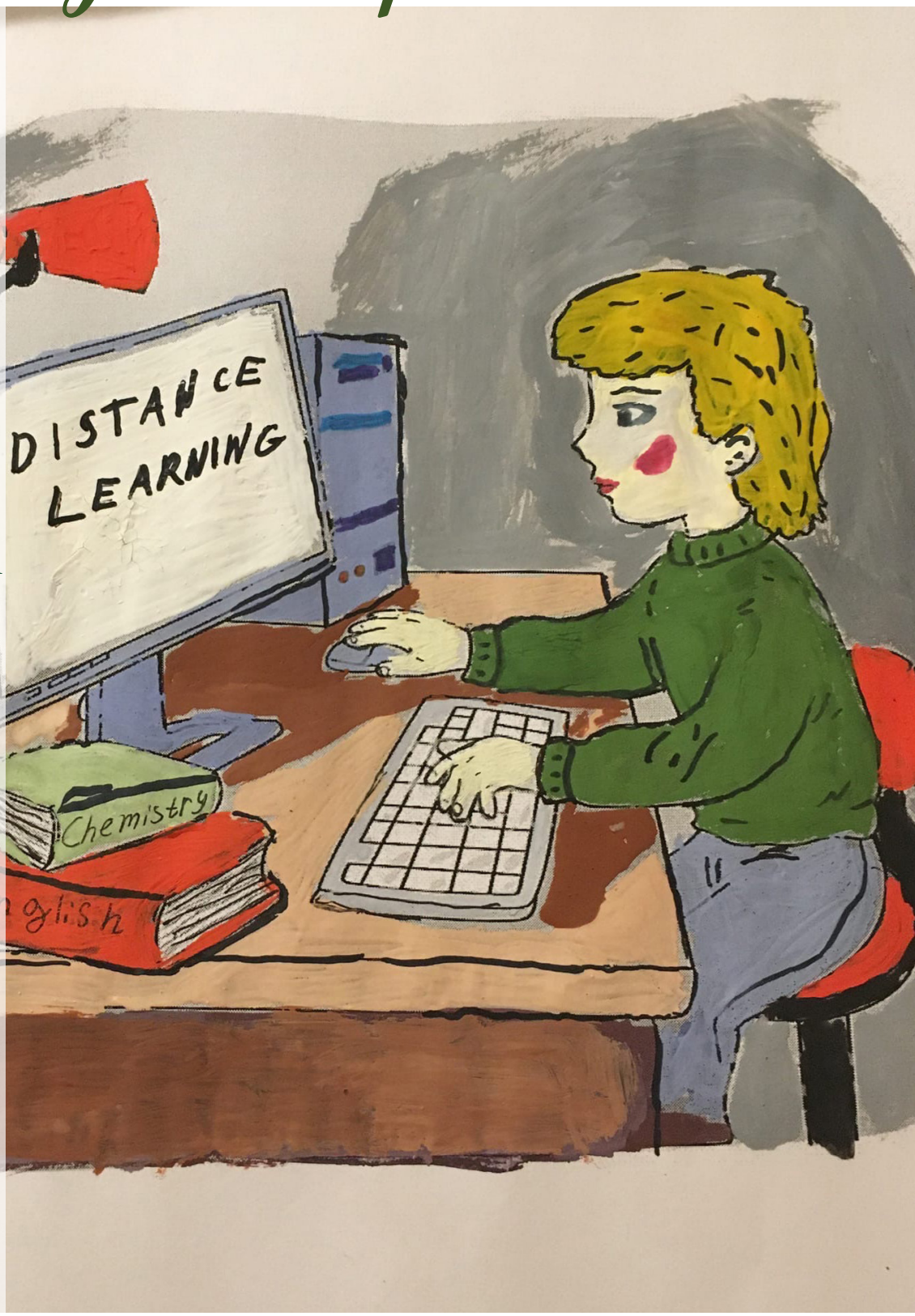
ШКОЛА
под микроскопом

ПРАВОСЛАВНАЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА Семьи Шостаковичей
Основана в 1998 году

Над номером работали:
Театральная студия ANIMA
В. Балутина
А. Лаврентьева
Л. Ожегов
Е. Салмина
В.Трифонова
К. Трейман
В. Юрьева
Н. В. Васильева
Е. П. Касьянова
Обложка:
М. Сидорова



№ 24
2020

Газета общеобразовательной православной школы семьи Шостаковичей
school-shostakovich.ru school@school-shostakovich.com

Память, говори

В преддверии памятной даты театральная студия «Anima» собрала ценнейший материал, который мы не можем не поместить в раздел «Новости».

Перед вами — живые свидетельста эпохи, то трагически важное, что объединяет нас всех.

Рассказывает наш преподаватель и классный руководитель 5 класса, Лидия Владимировна Кутина:

«...Страшная статистика о рожденных в 1921-1923 г., и старшие братья моего отца тоже попали в нее. Что я знаю о них? Павел был призван на службу в армию в 1939 г., он планировал стать кадровым военным. Последние письма его были с Западной Украины. Письма не с фронта, с места прохождения воинской службы. После начала войны писем не было и никаких известий не было много лет, пока не открыли архивы. Считался пропавшим без вести, но не для матери. Она ждала все эти годы и молилась за него. Только в 70-е годы семья узнала, где его могила. Врага их гарнизон встречал одним из первых...

...Второй сын Степан очень любил маму, у нее было пятеро детей и работа в довоенном колхозе была очень тяжелой. Степан говорил ей всегда: «Мама, я как только работать начну - всю жизнь кормить тебя буду!» Хотел подбодрить, порадовать. В то время и хлеба вдоволь было не всегда. Степан выбрал для себя профессию учителя. Он успел закончить педагогическое училище и даже получил назначение в свою родную школу... На следующий день после выпуска страшное известие: Война! Призывной пункт. 2 августа 1941 г. Степан был убит. Территория Курской обл. оказалась в оккупации, деда моего фашисты расстреляли за передачу еды партизанам, о старшем сыне не было информации и получилось так, что денежное довольствие по потере кормильца после войны бабушка Мария получала только за Степана. Все сбылось, как он и говорил: «Всю жизнь кормить тебя буду»...

До войны дед со старшими сыновьями Степаном и Павлом построил большой дом для большой семьи. Этот дом и сейчас стоит. Когда я приезжаю на свою малую Родину и прихожу к нему, я пытаюсь представить, какими были они: воин Степан и воин Павел, какими могли быть у них семьи и какой большой была бы наша семья. Вот тогда полностью приходит осознание, что ценой своей жизни они подарили жизнь мне и жизнь моему сыну. Низко кланяюсь и всегда поминаю воинов Степана и Павла. У Бога все живы!..

...Мой дедушка со стороны мамы воевал в составе 191 стрелковой дивизии в составе Волховского фронта, был пулеметчиком с 1941 по 1942 г. В 1943 г. его напарник был убит, а дедушка, получив контузию, отправлен в Воронежский госпиталь, позднее комиссован и после освобождения оккупированной Курской области, вернулся в свой поселок. Дед был хорошим плотником. Первое, что попросили восстановить его земляки — это церковь, он с радостью отремонтировал и колокольню, и Храм. Дедушка не побоялся гонений со стороны властей. Побывав на фронте и видя рядом смерть каждый день, он благодарил Бога, что остался жив. Этот Храм не закрывался больше никогда.Дедушка был немногословен, о войне рассказывать не любил, а на вопросы внуков отвечал: Слава Богу — выстояли! 9 мая, после торжеств, он всегда приходил в эту церковь. О чем он думал,о чем просил — не рассказывал никому... Думаю, эта молитва была у всех, прошедших войну: «Спаси и сохрани! Пусть больше не будет войн, не будет жертв и разрушений...»

Ученик нашего 6-го класса Николай Йост рассказал нам о своих родных, храбро воевавших на фронтах Великой Отечественной Войны:

«...Моя прабабушка Елена Андреевна Поликарпова с первого дня войны служила медсестрой во фронтовом госпитале, спасала раненых бойцов. В те страшные дни врачи и сестры часто работали по несколько суток, без сна, во время бомбежек, и моя прабабушка тоже. А в редкие дни затишья она участвовала в концертах для раненых – пела и играла на гитаре.

Мой прадед, гвардии капитан Николай Сергеевич Поликарпов, воевал на 3 Украинском фронте, командовал батальоном. Был трижды тяжело ранен. В госпитале он и встретил Елену, она делала ему перевязку. А в 1944 году они расписались в освобождённом городе-герое Одессе. Вместе участвовали в освобождении от фашистов Болгарии, Румынии, Венгрии и Австрии. За боевые заслуги Николай Сергеевич награждён Орденом Красного Знамени, Орденом Красной Звезды, Орденом Отечественной войны 2 степени. Всю жизнь они прожили вместе.

Вспоминает воспитатель нашего 3-го класса, Светлана Алексеевна Миколишина:

«...Это рассказ о моём дедушке, Татарове Сергее Алексеевиче (1915-1942).

Он был участником двух войн: Советско-финской и Великой Отечественной. Советско-финскую войну он прошел без единого ранения, был награжден боевыми наградами.

После завершения этой войны, Сергей Алексеевич работал начальником районного отделения милиции. Он имел опыт боевых действий и руководства ими, обладал личным мужеством, поэтому ему доверили такую ответственную работу.

В 1940 году Сергей Алексеевич женился на моей бабушке Татьяне Федоровне. Молодая семья ожидала рождение ребенка (моего папы) в сентябре 1941 года.

Когда началась Великая Отечественная война, у дедушки была «бронь» (он должен был находиться в тылу), но Сергей Алексеевич добровольцем ушел на фронт в декабре 1941 года и погиб в июне 1942 года при обороне Ленинграда.

Моя бабушка стала вдовой в 21 год. Она очень любила своего мужа. Бабушка рассказывала нам о том, что Сергей Алексеевич был добрым и жизнерадостным человеком. Он хорошо пел и играл на баяне. Папа во всем старался быть похожим на своего отца. Он закончил Омское военное речное училище с отличием. Был капитаном на разных суднах. Также как и его отец, папа любил музыку, хорошо играл на баяне. Дома в его исполнении, часто звучал вальс «Амурские волны».

О своей бабушке рассказывают ученица нашего 3 класса Соня Бубень и Юлия Омаровна Гойтиева:

«...Наша бабушка Халина Ядвига Бенкевич (Хоффманн) родилась в 1924 году в Житомире в династийной семье польских врачей, принадлежащей к двум древним шляхетским родам Бенкевичей и Островичей и к старинному русскому дворянскому роду Ридигеров. В 1926 году её мама, урожденная польская княжна Ядвига Бенкевич, спасая маленькую дочку, бежала из Житомира вместе с частями отступающей Белой Армии в Польшу...

...28 сентября 1939 года Польша была полностью захвачена гитлеровскими войсками, фашисты оккупировали Варшаву. К этому времени нашей бабушке исполнилось всего 16 лет, она только что окончила Частный медицинский Пансион для девушек из дворянских семей... Бесконечно тянулись мучительные годы оккупации. В августе 1944 года на площадь в Старом Мясте в Варшаве (Старый Город), фашисты стали сгонять всю польскую молодёжь, чтоб вывезти их в гитлеровскую Германию на работы и в концлагеря. Наша бабушка тоже попала в оцепление. Выручило её счастливое стечение обстоятельств: в её семье, как и во множестве дворянских семей Польши, традиционно было принято разговаривать на нескольких языках, в том числе и на немецком – отчим бабушки был польским врачом немецкого происхождения и носил имя Владислав Хоффманн. На чистом немецком языке Халина закричала конвоиру, что она дочь немецкого врача Хоффманна и тот вытолкнул её за оцепление, велев немедля бежать домой... Но до дома наша бабушка так и не добралась – она ушла в Поль-

скую Повстанческую Армию, Армию Людову, и находилась вместе с её бойцами до самого разгрома Польского Восстания 3 октября 1944 года. Она оказывала медицинскую помощь, помогала при операциях, выносила раненых... За 2 недели до трагического конца Польского Восстания взрослые повстанцы практически силою заставили молодёжь уйти из подполья и не принимать участие в последних кровавых боях. Они решили, спасти юные жизни и приказали покинуть ряды Сопротивления...

....После войны наша бабушка стала очень известным в Польше врачом-педиатром, к ней ехали со всей страны. Более пяти лет она трудилась в Польской Миссии Красного Креста в «чёрной Африке», в племени зулусов. Вернувшись в Польшу, бабушка Галя продолжила свою врачебную практику и долго приносила своим трудом неоценимую пользу людям.... На стене её варшавской квартиры, в ярких роскошных ножнах, висит боевой меч вождя племени зулусов. Как-то нам захотелось рассмотреть его поближе и мы потянули меч из ножен. Бабушка Галя в одну секунду оказалась рядом с нами и попросила никогда этого больше не делать. Извинилась, сказала, что не суеверна, но вождь племени зулусов дарил ей этот меч в залог вечного мира на земле и просил никогда не обнажать его клинок – иначе будет война. «Нет ничего на свете, страшнее войны. Этому никогда нельзя дать повториться» – сказала наша любимая бабушка. Пусть этот меч вечно находится в ножнах. Навсегда.

Рассказывает наш преподаватель русского языка и литературы, Ирина Николаевна Ужнина:

«...В нашей вологодской деревне Спирово жили мой дед, Русанов Василий Никифорович и мой папа, ему было тогда 13 лет. ...Мой дедушка с финской войны вернулся и ушел воевать с фашистами. Дед дружил с Алексеем Силушкиным, одним из трёх братьев, живших в соседней деревне. Судьба ненадолго их свела и на фронтовыхдорогах. Все три брата Силушкины погибли на войне. Сохранились лишь их письма. О них вспоминает Надежда Качалова, когда разносила похоронки, там же упоминает о моем дедушке. Дед воевал на Ленинградском фронте, считался без вести пропавшим, но мой отец выяснил, что он в 1942 г. умер от ран в эвакогоспитале в Казани. Деревни, из которой ушли братья Силушкины, больше не существует, а вот их дом, единственный, стоит и как будто ждёт их возвращения. Поддерживается в хорошем состоянии родственниками, потомками братьев. Вечная память всем погибшим!»

В семье Аси Качкиной из 4 класса нашей школы есть прабабушка Тата — Татьяна Ивановна Заблудовская, которой недавно исполнилось 92 года. Она родилась в Ленинграде и в 1941 году, когда началась Великая Отечественная война, ей было всего 13 лет.

Всю войну и блокаду она провела в Ленинграде, сначала помогая тушить «зажигалки» на крышах домов. Большинство ее друзей, в том числе лучший школьный друг, умерли от голода и холода в дни блокады.

В один из зимних дней 1941 года она пошла за водой на Обводный канал, поскользнулась и упала в прорубь. Слава богу, рядом набирал воду солдат, он успел ухватить ее, пока она не ушла под лед, вытащил и она пошла домой. Вернувшись домой, Таня напоила и дала немножко хлеба своей бабушке, которая уже лежала и не вставала. Потом в мокрой одежде (сушить ее было конечно негде) пошла с кусочком хлеба для своей мамы, через весь центр города с Обводного канала до Конюшенной площади, где та работала. Шла часа три...

И уже придя к ней на работу упала без сознания.

У Тани от истощения и обморожения начался тиф. Но жажда жизни была так сильна в юной девочке, что она выжила, ее выходили у мамы на работе. После болезни она заново училась ходить, говорить, писать. Уже в 1942 году она поступила работать на коммутатор телефонисткой треста «Ленавтотранс», который занимался эвакуацией ленинградцев по Дороге жизни. Первую свою награду она получила в 14 лет в 1942 году: за работу в дни блокады ее наградили медалью «За оборону Ленинграда».

9 августа 1942 года юная Таня со слезами на глазах слушала исполнение Ленинградской симфонии Шостако-

вича – ее первое исполнение в блокадном Ленинграде в Большом зале Филармонии.

Таня всегда очень любила музыку и любила петь. Работая в тресте в апреле 1943 года, она пришла на прослушивание в музыкальную школу им. Рахманинова, спела романс Шопена «Желание» и была принята на вокальной отделение.

Все учащиеся школы получали билеты, которые предъявляли патрулям, если возвращались поздно домой после учебы. Было тяжело, в классах было холодно, занимались в пальто и валенках. Все были голодные, но музыка побеждала и голод, и холод. Все жили, работали, учились и верили в Победу. Ученики вокального отделения приходили в военные госпитали и пели раненым.

В день снятия блокады 27 января 1944 года все плакали радостными слезами. Незнакомые люди, выйдя на улицу, обнимали и целовали друг друга.

А 9 мая 1945 года в день Победы на всех площадях города были праздничные концерты. Татьяна пела у Дома культуры на Петроградской стороне. Сценой был кузов грузовика.

Вся дальнейшая жизнь Татьяны Ивановны укрепляла ее любовь к музыке. В 1946 году она закончила Музыкальное училище при Ленинградской консерватории. Вышла замуж за студента консерватории, а позже солиста Малого оперного театра.

С 1958 года и она начала работать в Малом оперном театре (теперь это Михайловский театр), где проработала более 50 лет, выйдя на пенсию только в 80 лет.

И до сих пор наша прабабушка живет, не унывает, делает по утрам зарядку, регулярно ходит в салон красоты:) и в целом дарит нам заряд позитива и оптимизма!

Видимо, те, кто прошел войну, понимают истинную цену жизни и просто ей радуются, несмотря на все трудности.

О своём двоюродном дедушке рассказывает наш педагог музыкального отделения Юлия Александровна Блинова:

«...Чернышёв Рикс Александрович родился в 1926 году. Когда началась война, ему только исполнилось 15 лет. Худенький, маленького роста, еще школьник, он сразу начал совершенствовать немецкий язык по книгам и пластинкам. Великолепные музыкальные способности позволили ему безукоризненно овладеть произношением меньше, чем за два месяца.

Осенью 1941 г., после занятия фашистами деревни Волосово Плюсского района Ленинградской области, Рикс Александрович ушел в лес к партизанам, где воевал против фашистов вместе с такими же, как он, молодыми ребятами. Отличное знание немецкого языка позволяло ему успешно выполнять самые сложные задания командования партизанского отряда.

В конце 1943 года, после освобождения от фашистов родной местности, где действовал его партизанский отряд, 17-летний Рикс Александрович, приписав себе один лишний год, явился в военкомат с просьбой отправить его на фронт. После краткосрочных подготовительных курсов под Ленинградом в п. Токсово, он был направлен на фронт, где служил в разведке.

Рикс Александрович погиб в бою 17 сентября 1944 г., при выполнении разведзадания.

Его большой портрет, созданный по последней фотографии с фронта, висит на видном месте в нашем доме...»

Воспоминаниями из архива своей семьи с нами поделились Мария и Лиза Зюзьковы.

Рассказывает Валентина Ивановна Бирюкова (Тарасова), прабабушка Лизы Зюзьковой:

«...Наша семья жила в деревне Мурзиха рядом с Елабугой, мы, дети, играли во дворе, когда дедушка и бабушка вернулись от гостей. Все были очень удивлены, так как ждали их через несколько дней. А бабушка заплакала и сказала:"Война!" Через два дня всех мужчин до 40 лет призвали в военкомат в Елабугу. Из них вернулся только один.

Мои родные братья тоже ушли на войну. Виктор в то время заканчивал училище связи в Киеве. Был призван и служил там же. Находясь на наблюдательном посту, он был ранен. Виктора отправили в тыл на лечение. В результате ранения он лишился глаза. После этого его комиссовали и отправили в школу подготовки военного дела для девушек.

Брат Дима учился в авиационном училище. Во время ВОВ служил лётчиком и был

ранен. Два года служил в закрытой испытательной части. После войны остался служить в авиации, ушёл в отставку в чине полковника.

Братья Тимофей и Анатолий ушли солдатами и погибли на войне.

Ваш прадедушка Андрюша попал на войну со школьной скамьи 9 класса в 1943 году. Сначала в авиационное училище, а потом в морскую авиацию, и был отправлен на Дальневосточный фронт, в 60-й (отдельный) штурмовой авиационный полк. Был стрелком на военных самолётах. Был награждён орденом за боевые заслуги и орденом Великой Отечественной Войны II степени. После войны прадедушка связал свою жизнь с морем и стал офицером-подводником. Служил на Северном флоте. Ушел в отставку в звании капитана I ранга, был замкомандира подводной лодки по воспитательной работе.

Нам в школе рассказывали про фронт, как там тяжело нашим солдатам. Становилось очень страшно, когда приходили не фронтовые письма, а похоронки. Через время в города и сёла на Волге стали привозить эвакуированных женщин и детей из Ленинграда. Все дворы в деревне участвовали в судьбе ленинградцев. Ребята приезжали со своими учителями и ходили с нами в школу. Школа была не в нашем селе и нам давали лошадь с телегой. Лошадь возила нас несколько раз в день так как мы учились в несколько смен. Мы учились, а потом шли работать. Нас разделили на звенья по 5 человек. Мы собирали лён, зерновые, занимались молотьбой. У меня есть медаль за трудовую доблесть в ВОВ.

Мой отец, Тарасов Иван Гаврилович, ваш прапрадедушка во время войны был председателем артели «Пятилетка» в д. Старая Мурзиха, затем колхоза «Надежда» (д.Токмашка). Рабочий день начинался в колхозе с 5 утра и заканчивался поздно ночью. В 1945 году отец был награжден орденом «Трудового Красного Знамени».

Рассказывает Ольга Александровна Астафьева:

В преддверии праздника хочу рассказать о своём дедушке, Воронцове Михаиле Алексеевиче (1913-1972), которого не видела никогда, он не дожил до моего дня рождения всего два года. О нем мне рассказывала его жена, Мария Федоровна, моя бабушка, а также моя мама. Михаил Алексеевич прошел всю войну с 1941 года до 1945 артиллеристом и вернулся в родную деревню Гавриловку лишь 11 сентября 1945 года. На вопрос родных и односельчан: «Как же ты выжил?», дедушка отвечал, что не ленился и рыл глубокие окопы. А ростом был он выше всех в роте. У него был младший брат, Воронцов Илья Алексеевич, 1918 года рождения. Он также воевал за нашу Родину и погиб 1 мая 1944 года, защищая наш город. Похоронен в братской могиле у д. Красный Бор. От него даже не осталось ни одной фотографии, но... Мы помним! Мы гордимся!

Рассказывает Светлана Валерьевна Корнилова:

Мои дедушка Михаил Васильевич Громовенко и бабушка Капиталина Петровна Громовенко (Валаева) познакомились в самом начале войны в военном госпитале. Дедушка был военным врачом, а потом и начальником госпиталя, а бабушка старшей медсестрой. Это папа и мама моего папы. Они прошли всю войну с украинским фронтом, бабушка много рассказывала про то, как она «девчонка, вытаскивала с поля боя раненых, под обстрелом, во время боя, и после боя, днем или ночью, вытаскивали на себе, а они тяжелые... , а потом оперировали. ... Раненых помогали эвакуировать в другие медсанчасти, и в тыл.» Также рассказывала, как после войны они были военнообязанные и с военным госпиталем еще до 1953 года служили на территории Болгарии, Германии и Румынии.

Моя бабушка, мама моей мамы всю блокаду пережила в Ленинграде. Ее отец Алексей Иванович Медведев и муж Сергей Алексеевич Медведев воевали на Ленинградском фронте. Она работала в военной комендатуре.

После окончания войны поступила в медицинский институт и всю жизнь проработала детским врачом.

Однажды, когда я училась в 7 классе, то пришла домой и радостно сообщила ей, что мне ко Дню Победы надо написать сочинение про блокаду, и что она мне может что-нибудь рассказать. Тогда моя бабушка очень посерьезнела и сказала:

«Ты не напишешь это сочинение. Ты не видела, что это, а придумать этого невозможно...».

Снести нельзя сохранить

Вопросы сохранения памяти и в целом исторического наследия волнуют нас не только в связи с важнейшим датами мая.

Многие любят Санкт-Петербург за архитектуру. Неповторимый стиль города легко узнается на фотографиях и открытках. Время и непростой климат не щадят старинные здания. Но главный враг памятников архитектуры все же человек.

Главный враг исторической застройки в Петербурге — не естественные повреждения, а снос и строительство на их месте новых домов для жилья. Многие люди хотят жить в красивом центре города именно из-за архитектурных памятников и удобств. Но старинные здания не слишком комфортны для жилья, поэтому их сносят и строят новые. Но таким образом теряется первоначальный вид улиц, их архитектурная идея.

Ещё 32 года назад в Петербурге было около 12 тыс. объектов исторической застройки. И несмотря на то, что существуют законы, сохраняющие старую застройку, каждый год город теряет до 30 исторических зданий. На самом деле, это катастрофически много.

Здания в исторической части города можно сравнить с зубами. Они плотно примыкают к друг другу и дома, построенные рядом, так или иначе составляют ансамбль. Когда один из «зубов» приходит в негодность, его вырывают и вставляют на его место новый. «Вставной зуб» выглядит неестественно и рушит ансамбль. Также если здания находятся близко к друг другу, новый дом может не только не вписаться в ансамбль, но и повредить соседние здания.

Безусловно, в Петербурге действуют строгие правила по сохранению исторической застройки и архитектурных памятников. Есть специальные организации, которые следят за соблюдением этих правил. Но важно, чтобы жители города были неравнодушны к этой проблеме. Только в этом случае, общими усилиями, удастся сохранить уникальность Петербурга.

Именно поэтому в школах необходима история города. Это, конечно не заставит никого полюбить архитектуру в школе. Но даст общее представление об уникальных памятниках, которые нас окружают. Это поможет понять детям что, если бы все дома были «вставными зубами», коробками, наш город не был бы таким красивым.

Конечно, новые здания в любом случае будут появляться, а старые сноситься. Естественно, город — тоже живой организм, и его «клетки» будут отмирать, это неизбежно. Но это не оправдание грубому обращению с архитектурой.

На фотографии: особняк Бремме, блокадная аптека на 12 линии В. О. 2020 год

Варвара Балутина

Дистанционное образование: взгляд учителя начальных классов

Чтобы понять, как на текущую ситуацию смотрят учителя, мы поговорили с Надеждой Владимировной Васильевой, классным руководителем 4 класса.

С тех пор, как все мы погрузились в дистанционное образование, что изменилось в вашем представлении об этом формате? Какие плюсы нынешней ситуации вы видите?

Мне давно уже была интересна эта тема, я считала, что дистанционное образование – перспективное направление. Приемлемое не во всех случаях, но зачастую способное помочь решить насущные задачи. И до сих пор считаю, что это перспективно. Независимо от карантина мы можем вспомнить опыт наших учеников, долго учившихся дистанционно по объективным причинам, например, связанным со здоровьем.

Для некоторых детей, которым нужен особый подход, перевод хотя бы части обучения или дублирование его в дистанционном формате было

бы полезным и нужным.
В случае если человек по уважительным причинам многократно пропускает занятия, ему очень пригодятся системно организованная возможность дистанционного образования.

Понятен этот большой плюс, возможность помочь учебному процессу в особых случаях. Что бы вы отметили в качестве основных недостатков этого формата?
Ясно, что в формате дистанционного обучения ученику гораздо проще отвлечься. От ученика требуется значительная самоорганизация. Разделенные экраном, даже при наличии зрительного контакта, мы не видим, что происходит вокруг ученика, но понимаем, что вокруг — нормальная домашняя обстановка: младшие братья и сестры, кошки, разнообразные интересные предметы и, конечно же, многочисленные возможности компьютера.

Несовершенства оборудования рабочего места (низкое разрешение камеры телефона, нестабильное интернет-соединение) делает ситуацию еще более неоднозначной. Кого-то "выкидывает" из зума несколько раз подряд за урок — и это мы не можем исправить, находясь по эту сторону экрана. "А у меня плохой интернет", — и всё. "Меня выкинуло из конференции", и это область вне какого-либо регулирования, располагающая к лукавству и инсинуациям. Сидя перед своим монитором, гораздо легче уйти в себя. На то, чтобы поддерживать всех в рабочем состоянии, требуется гораздо больше времени, чем вживую.

Конечно, есть те, кто сразу справляется с этим форматом, воспринимают информацию онлайн, легко справляются с отправкой домашней работы, не просыпают уроки, но, это далеко не всем под силу.

Когда вокруг есть тысячи способов отвлечься, не быть включенными в работу, что мы начинаем делать по-другому?
Когда мы понимаем, что в онлайне ученику гораздо сложнее поддерживать внимание и мотивацию, мы начинаем работать гораздо интенсивнее, чем на обычных уроках.

Чаще обращаемся к опросам, чтобы услышать максимальное количество учеников. Работаем по цепочке и оцениваем работу на уроке. Можно убедиться в выполнении упражнения в тетради, попросив показать тетрадь в камеру. Также, конечно, поддерживаем связь с родителями. Все это -- поддержание и укрепление того, контакта, который похож на наш обычный, офлайновый.

Что из этого периода, какие новые идеи мы будем использовать в офлайне, а от чего откажемся?
Что мне хотелось бы применить? Чтобы возможность дистанционного обучения была для тех, кому это объективно необходимо. Конечно, это требует отдельных дополнительных усилий от педагогов.
Школа всегда была достаточно закрытой системой, и сейчас мы получили уникальный опыт открытости. Такого не было никогда, и после этого уже совершенно нормально будет включать зум и делиться уроком онлайн в случае необходимости.

Конечно, это нужно технически корректно организовать, и это не должно быть просто двойной нагрузкой на педагогов, но скорее отдельным направлением деятельности.

Я рада, что у кого-то вырастут крылья от хороших оценок в этой четверти, но насколько объективно мы можем оценить, например, контрольную работу ученика, выполненную в онлайн-условиях, когда все ответы, накопленные человечеством, гуглятся за считанные секунды?
Есть ученики, которые совершили личностный скачок, но есть и те, кто обращаются за помощью к родителям или интернету и получают ее.

Мы сможем сделать оценивание более объективным с использованием, например, Я.класса, но это требует серьезной технической подготовки всей школы.

Вообще комбинировать традиционное обучение и некоторые инструменты онлайна — интересное направление. Хорошо налаженные онлайн-инструменты позволяют расширить образовательные возможности и проверять знания значительно быстрее.

Беседовала Е. П. Касьянова

Чему еще нас учит история?

...А пока мы все сидим на карантине, не будем забывать о причине самоизоляции.

Коронавирус — это большое семейство вирусов, которые вызывают большие осложнения. «Наш» коронавирус, а точнее COVID19, появился в декабре в китайском городе Ухань. CO — корона, VI — вирус, D — болезнь , 19 — 2019 год. Это правда очень опасное заболевание, которые поражает лёгкие, так что самоизоляция действительно необходима в нашей ситуации. Ведь от одного только чиха больного, может заразиться до 14 человек! И маски тут не особо помогут...

Но вот странно, 2020 год, сильное распространение вируса, эпидемия, было ли что-то похожее в истории?

Около ста лет назад, весной 1918 года, эпидемия испанского гриппа коснулась всех континентов и за 18 месяцев унесла жизни по разным подсчетам от 50 до 100 миллионов человек. Всего переболели испанкой около 550 миллионов — почти треть тогдашнего населения планеты.

В 1820 году была эпидемия холеры, в основном от нее умирали в странах Азии, например, на Филиппинах, в Индонезии и Таиланде. Холера забрала жизни 100 000 человек.

В 1720 году Европа пережила волну эпидемии бубонной чумы, ее назвали Марсельской.
Считалось, что чума заражала даже воздух, а ее переносчиками выступали мухи. Спастись от болезни было практически невозможно, в то время жертвами заболевания стали 100 000 человек, на других континентах пострадали меньше.

20е годы каждого столетия была пандемия и наши годы это тоже не обошло стороной... но почему так?

Некоторые Говорят: «история циклична», другие не обращают внимание на такие совпадения, считая это обычной случайностью. Возможно, человечество совершает какие то ошибки, но за столетие это забывается , и мы наступаем на одни и те же грабли? А может эпидемии как-то останавливают нас от уничтожения нашей собственной планеты? Ведь мы так много берём ресурсов, и почти ничего не отдаём взамен.

Нам повезло, что мы живем в 21 веке, технологи очень помогает в изучении вируса и поиском вакцины. Но если мы сами не будем соблюдать обычные меры предосторожности: мыть руки, стараться не прикасаться ими к лицу, не гулять во время карантина и не ходить в центре скопления людей, мы поможем сами себе. Ведь все хотят, чтобы эпидемия скорее прошла, а бездействуя, как мы одолеем ее?

История учит нас тому, что ситуации, подобные нынешней, уже случались, и человечество непременно преодолеет и эту. Главное — действовать разумно.

Анфиса Лаврентьева

А что будет потом?

Все мы с нетерпением ждем окончания карантина, ведь так достало сидеть дома, в четырех стенах. Так почему бы не составить список, что я буду делать после карантина?

1. Надо будет пойти в школу и забрать оттуда все свои вещи, ведь все равно что-то ты там должен был забыть.

2. Обязательно встретиться с друзьями и погулять с ними за весь карантин!

3. Навестить бабушку с дедушкой, ведь наверняка они по тебе очень соскучились.

4. Пойти в кино, потому что появилось очень много интересных фильмов, которые хочется посмотреть на большом экране с большим ведром попкорна в руках.

5. После карантина можно будет опять ходить на свои любимые занятия: танцы, баскетбол, футбол, теннис, пение и т. д.

6. Пойти на аттракционы, концерт любимой группы, в музеи, да куда захочешь.

7. Наконец-то можно будет погулять в любимых местах, не надевая маску и перчатки. И подышать свежим воздухом не только через окно.

8. А кто-то, может быть, захочет отпраздновать день рождения, ведь у кого-то, к сожалению, оно было во время карантина.

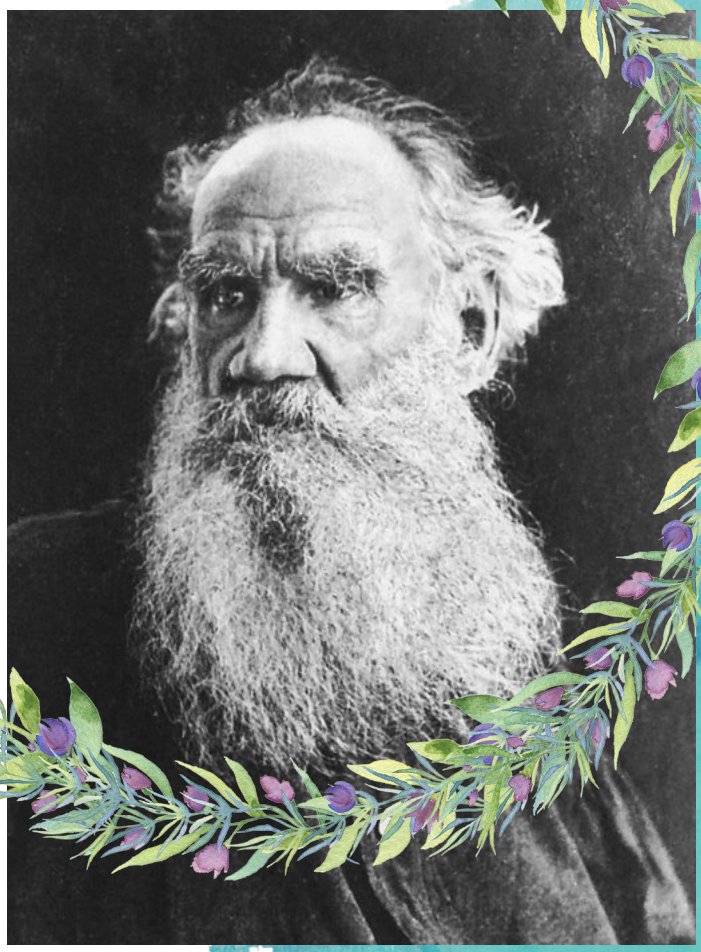
9. Поехать в страны, в которые вы давно мечтали или планировали поехать. Конечно, если обстановка в них будет хорошая).

P. S. Надеемся, что это будет так.

10. Или можешь остаться дома, если тебе понравилось.

Екатерина Салмина

Не суди писателя по портрету



Самоизоляцияа самоизоляцией, но десятом классе весна — время разговора о «Войне и мире» Толстого. Каким предстает в нашем сознании этот писатель до знакомтсва с его романом, и что меняется в процессе чтения? Размышляет Ксения Трейман

В литературе любой страны есть определенный творческий состав, который знает практически каждый. Мы знаем о поэтах и писателях расплывчатые факты, которые слышим из уст других людей, однако, пока не познакомимся с автором и его творчеством лично, у нас может сложиться ложное впечатление о нем. Русские классики — одно из самых главных достижений развития духовной культуры русского народа. Их творчество и по сей день является нашей гордостью и достоянием. Подойдя к любому прохожему и спросив его: «Кого из русских писателей вы можете назвать одним из самых выдающихся?», скорее всего, мы услышим следующие ответы: А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский и еще много-много классиков, достойных уважения и почета. И вдруг среди этого списка имен промелькнет еще одно имя — Л.Н. Толстой. Оно уже вызывает некую тяжесть на душе, но нет, вовсе не из-за того, что его произведения ужасно нудные, затянутые, слишком громоздкие. Напротив, в них много смысла, посыл, заложенный в его творчество, заставляет людей размышлять, вопросы, затрагиваемые в его творчестве, помогают человеку разобраться в различных аспектах жизни. Произведения, созданные не для забавы, его портреты с вечно нахмуренными бровями создают впечатление чересчур строгого человека, хладнокровного мужчины, романы и повести которого не знают чувства теплой и нежной любви. Именно такое впечатление складывалось у меня о писателе до того, как я познакомилась с его произведением, а также с различными лекциями, посвящёнными как самому Толстому, так и его творениям. Мне казалось, что Толстому

нравится все крупное и большое, я всегда вспоминала о его большой семье, о толстых романах и огромных собраниях сочинений, в первую очередь в голову приходила «Война и мир».
До прочтения данной книги, в моем разуме прочно укрепилось мысль о историческом романе-эпопее в 4 томах, связанным лишь с историей нашей страны, любовные отношения в котором представлены одной линией взаимодействия «Наташа Ростова—Андрей Болконский». Складывалось впечатление, что в романе 3-4 главных героя, а сам автор никак не отразил свою личность в этом романе, показывая лишь перепады мирного и военного времени.
Но все то, что я знала раньше, рухнуло в один миг, стоило мне открыть ту самую «необъятную» книгу.
Да, в романе присутствует проблема «войны и мира», однако она гораздо обширнее.
Позже я узнала, что основная проблема более философская: «Почему на земле случаются войны и от чего происходят глобальные движения с Запада на Восток?». Раскрыв проблему романа глубже, сам писатель стал для меня более понятным, в моих глазах он перестал быть хмурым старичком с крупными текстами, он открылся для меня, как глубоко мыслящий мужчина, отражающий в своих персонажах самого себя, а также свою семью.
Интересным фактом стало то, что семья в произведениях Толстого — важнейшая составляющая его творчества, и большинство его текстов имеет автобиографические истоки. Зная о большой семье автора, а также принимая во внимание тот факт, что уже в 15 лет он мечтал о крепкой семье, такая роль, отведенная ей, перестает быть удивительной. Автору единственному повезло с семейными отношениями, в отличие от своих родственников. Он был честен со своей женой, перед женитьбой он показал ей свои ранние дневники, в которых были описаны краткосрочные связи с различными девушками, но описывал он это не для того, чтобы похвастаться, наоборот он стыдился этого и раскаивался.
После этого я стала относиться к Л.Н. Толстому с большей душевной теплотой, он показался мне человеком чувственным с душевными переживаниями, о чем я раньше не могла подумать.
Именно в своем многолетнем браке автор написал два ключевых произведения: «Анна Каренина» и «Война и мир».
Человеку, который казался мне черствым, удалось выстроить теплые любовно-дружеские отношения со своей женой, которая была ему другом и сотрудницей, помогавшей во всех его начинаниях.
Мысли о том, что в романе практически отсутствуют переплетенные линии взаимоотношений, также были стерты из моей головы.
Открыв сайт и прочитав роман, я увидела, как четко автор показывает смену отношений между людьми из тома в том. Какие переплетения, я бы даже сказала гнезда выстраиваются между человеком и другим персонажем, между одной семьей и другой. Некоторые линии прерываются, но на их месте тут же появляются новые. В своей жизни я пока не видела столь глубокого описания отношений между людьми и их соотношения друг с другом. Раскрывая этот аспект, автор показал мне, насколько ему важны взаимодействия, без них и война не продвинется, и сюжет не будет протекать из одной книги в другую.
Последнее, что стало открытием для меня, это то, что автор показывает свое различное отношение к персонажам. Одни являются для Толстого любимыми, другие же нет. Через призму любимых персонажей автор показывает свои лучшие качества. Читая страницы, мы знакомимся не только с романом и его героями, но также и с самим автором.
Всегда казалось, что Толстой максимально отдален от своего читателя, но знакомясь с его творчеством, вы будто рушите стену, которая отделяет вас от него, вы становитесь ближе, а если вы близки с писателем, значит вы можете максимально прочувствовать его произведение.
Подводя итог хотелось бы сказать, что в нашем мире есть выражение: «Не суди книгу по обложке», однако я бы применила его к авторам и интерпретировала как: «Не суди писателя по его портрету, суди его по его творчеству».

***

Эссе Валерии Трифоновой о Л. Н. Толстом, совершенно не нуждающееся в заголовке и комментариях

Толстой всегда про Свет. А свет...«я не могу не любить света, я не виноват в этом. И я счастлив». И мы все. И мы все счастливы. Но всего-то нужно в него верить.

Олицетворение России, по-пушкински законсервированное в большой белой бороде и крестьянстве, воспоминанию о Толстом, наверное, никогда не избавиться от грязного разъединения между «человеком» и «писателем». А ведь именно к этому он и стремился всю свою жизнь. А ведь что есть писатель? Философия проста, у него должен быть дар. И дар этот, как в «Пророке» Пушкина и Лермонтова вместе. И этот дар настолько чист и высок, что делит человека пополам. Одна часть – личность, ординарный человек со своими страстями и слабостями, с путанными мыслями ни о чём и глупыми поступками, другая – посланник, несущий свет. Толстой был тем, кто не мог жить, вынашивая в себе эту горящую черту двуличия. Его гений должен был стать им самим, и в этом страстном отчаянии слить воедино себя с даром, а значит и себя с Богом. Это сделало его философом, человеком, пашущим в поле и показывающим перед свадьбой свои дневники жене. Толстой избрал путь слияния с добродетельной землёй, он свято верил в то, что лишения, монастырь, отказ от наследства, что это приблизит его к чистоте Бога в нём. Но разве не ложно то, что «бытиё определяет сознание»? А ведь внутри было неспокойно; всё то огромное, что он пытался, не расплескав, удержать в себе, рвало его изнутри, и до самой смерти он не нашёл покоя. И к чему все эти искания, все эти тщетные попытки найти справедливость, когда ты сам для себя не являешься храмом.

Бог не терпит двуличия, Толстой это знал, единство дарит воскресение. Страсть к самосовершенствованию стала спасительной веревкой для него, почти обмотавшейся петлёй вокруг шеи. Пьер кричал, что он бессмертен, Костя Левин хотел покончить жизнь самоубийством. Пусть всё осуждение слетит пылью; когда писатель умирает, от него остаётся только та самая часть – «гения», Толстой остался же весь. И без копаний в том, что является всего лишь воспоминанием, мы признаём, что он был так близок к тому, что бы стать единством.

Он не понимал того, что всё его «воскресение» в небе над Аустерлицем, в глазах Анны, в рождении, в старом дубе, в любящей мир мухе, в той яростной, глубокой, нежной и горькой жизни, о которой он писал. В жизни, такой, какая она есть, что рай на земле, в душе каждого, что он имеет право рассказать об этом, просто потому что дар даётся неспроста.

И незатуманенное сознание кристального января, и бурное воскресение марта больше, чем фон для сюжета, в «Войне и мире» именно состояния мира становятся главенствующими, когда события уходят на задний план, лентой времени ползут на задворках. Вся история по Толстому не в датах, фактах, сражениях и даже не в людях, но в духе, в огромном духе времени, в туманных часах,

в их фатальности, которая одна ведёт весь ход событий, в божественной силе, что творит историю, когда люди являются всего лишь частицами огромного цельного замысла.

Всё совершается многослойно, духовный поиск прорастает в его героях с такой силой, что они выплёскиваются из себя, их души — главные персонажи, и миром, окружающим их, может быть нечто столь же великое, огромное. Ад и рай, война и мир. Казалось бы, в контрасте чёрного и белого возносятся они над всем и всеми, но всё взаимосвязано и границы не существует, внутри каждого есть и война, и мир.

И для людей писатель всегда ещё и образы его персонажей, а как иначе, они из души и наизнанку.

Два главных героя «войны и мира» Андрей Болконский и Пьер Безухов, герои эпопеи, герои Толстого и олицетворения Души; такие разные, и в то же время схожие и единые со всем миром, с войной и друг с другом.

Даже их внешность — противоположенная, но каждая несущая на себе отражение внутреннего. Как глаза всегда отражают всё существо человека, так большая, несуразная фигура Пьера, плывущая по миру с такой неловкостью и робостью неуместности и вместе с тем тянущаяся к этому миру — вся образ его огромной души, и она губкой впитывает всё вокруг, и её первая задача —принимать, принимать мир, ненасытно втягивая его в себя. Он не различает ещё добра и зла, и в этом непонимании где-то есть и истина. Так Пьер с лёгкостью принимает веру, масонство, даже начальная его развратная жизнь — есть то, что душа его не могла не принять, так как свойство её таково. И всё, что он вбирает в себя, мучает его изнутри, разрывая на части, он рвётся всё дальше и дальше, вобрать в себя больше, так как чувствует неудовлетворение, и поэтому впитывает новые идеи, и всё больше и больше становится разочарованным. Душа его невинна в своём легкомыслии, она податлива и мягка; в Пьере ещё совсем слаба крупинка духа, и только с испытаниями, с тяготами на это зерно льётся вода, и оно прорастает. Пьер ещё состоит из людей; когда Андрей— обособленно гордая душа, Пьер не может не состоять из людей, он впитывает их вместе со всем миром, и часто они превращаются в плодородную почву для его духа. Он цепляет всё, принимая чужое за своё и теряя своё в чужом. Пьер принимает чужие пути, он ловит чужие идеи, окончательно путается и страстно пытается отыскать путь, путь к Богу, но его нет, он бродит по туманному полю, называя его дорогой, но он не может отыскать свой личный Путь, свой выход к Свету, а ведь это и есть самое главное. И, подобно тростнику на ветру, он колышется, бросаемый из стороны в сторону, пока его не останавливают силой, прижимая к земле, выворачивая глаза внутрь, так чтобы он увидел то, что всегда было с ним, то, что его путь в нём самом был всегда, и тогда он приходит к цели, к точке, в которой весь Мир и Война едины, Тьма и Свет, и Бог, он находит в себе вселенную и себя во вселенной, и обретает бессмертие.

Андрей весь устремлен ввысь. Внешностью аристократа Толстой дарит ему гордость, обособленность от мирского, от людей. В отличие от Пьера он не нелеп и чувствует себя уверенно в обществе, но он так же несуразен: как Пьер внешне, так он внутренне в пространстве с пустыми людьми. Андрей слишком не из людей, он весь из неба. Люди, что дают почву Пьеру, Андрея только сдерживают ото всего, и с порывами быть с ними, в нём возникает только жажда славы, успеха, губящая его. Не осознавая, он возносится над людьми и, даже желая того, не может быть с ними. Свойство его души — отдавать. Он не принимает, как Пьер, впитывая в себя мир; Андрей, даже проникаясь им, наблюдает его без «себя», будто ещё, будучи живым, но уже со стороны. Он проходит путь, но не так долго и мучительно, как Пьер, Андрею на каждом повороте пути встречается удар судьбы, заставляющий его идти вперёд и вперёд со стремительной скоростью; он обретает всё в раз, так весь мир, как часть самого себя, зовёт его и забирает, подарив истину, вложив её ему в душу. И после ему уже незачем жить. Во время своего жизненного пути он будто почти нехотя заглядывает в реальный мир, ему нечего подарить ему и принять от него. Получив ясность осознания всей тайны жизни, его душа

выплёскивается в мир, она получила возможность дарить.

Андрей становится миром, и пребывание его на земле больше не нужно, Пьер же становится ребёнком мира. Они познают истину, но по свойствам своих душ начинают следующий круг по-разному.

В них обоих смыкаются Война и Мир, в Пьере чуть больше мира, в Андрее — войны; в них плывут строчки; нити повествования о жизни мира пронизывают Пьера, об истории войны — Андрея, они сосредоточение всего романа, две души, прошедшие Путь.

Остальное множество героев «Войны и мира» либо красочные декорации, стоящие ещё дальше от сердца романа, за чувствами, за светом, за душой и за лентой истории, либо мягкая земля. Последние — как раз Ростовы.

Они — плодородная почва, из которых вырастает жизнь, ростки. Семья Ростовых — дух Семьи, дух тепла и Дома. Они едины и в своей уверенности в счастье, в вере в него тверды, как земля. В них нет сомнений, как нет на плодородном участке ни одного сорняка. Они защищены своей верой друг в друга, защищены собственным теплом семьи. Для Ростовых не существует тех вопросов, что тревожат Пьера и Андрея, они просто принимают, просто живут, как пожалуй могли жить люди в райском саду до вкушения плода. Они уверены в вере, и принимают её с молоком, как солнце и землю, для Ростовых духовный поиск чужд, и жизнь мирская с её радостями, с тем тёплым физическим для них смысл жизни. И единственная, пожалуй, связь с миром «высокого неба» для них — это музыка. Эта связь крепка и вытекают у них из мечтательности, из детства; она входит в распахнутую душу Наташи, становящуюся сосудом для дара. Наташа носит в себе музыку, как носят бусы или красивое платье, так же, носит в себе любовь ко всему миру, но у неё же это как часть тела, эта любовь. И музыка пронизывает всё существо Ростовых, она вытягивает их к жизни: Николая уберегает от мыслей о самоубийстве, а Петю нежно целует перед смертью, и она горит в них Светом. Религию они признают, как традицию, как привычку, а музыка заменят им мысли о Боге и истине.

Религия в «Войне и мире» ещё сглаженная от толстовского неприятия, но уже является декорацией. Он показывает три пути веры: первый — княжна Марья с её божьими людьми, набожностью и религиозностью, она просто христианка; второй путь веры — это Ростовы, с ними — привычка религии, как неосознанные обращения к Богу, детские молитвы и традиции; и третий — главные герои, проходящие свой Путь, оставляют религию позади, находя истину без формы и лжи в самобытном её состоянии. Толстой не осуждает первые два, только улыбается, как масон Баздеев, «как богач, державший в руках миллионы, бедняку, который бы сказал ему, что нет у него, у бедняка, пяти рублей, могущих сделать его счастие», и с этой внутренней улыбкой он всей душой на стороне веры «в небо», «в весну», «в всеобъемлющее счастье».

Всеобъемлющее, великое. «Война и мир» охватывает мир и всё её большое «пространство» залито Светом, и этот свет — слова. Язык романа подобен мёду, и мёд со светом рождает искрящееся золото. Это та могучая основа, породившая импрессионистический бесконечный воздух прустовского текста, и сам язык Толстого — импрессионизм. Реальность у него именно такая, кака она и есть в сущности, в призме глаз, сквозь водную гладь, мягкий перебор чувств и волнений. Она без контуров, и «Войну и и мир» следовало бы обратить в огромное импрессионистическое полотно, с жизнью через край она выплеснулась бы мягкими цветами неба и полей, но это ещё не страстный порыв жизни, не вангоговская жажда, но мягкая радость таинства. И всё это в словах, и Толстой опережает время, в его языке истоки будущего и все корни прошлого, и много, много неба. Есть книги, проплывающие мимо: ты видишь отчётливо, но наблюдаешь их со стороны, Толстовский текст же проходит сквозь. Сквозь душу. Достоевский — всегда через сознание попадает в душу, Толстой — напрямик. Подобно реке, бурной, горной текст проникает и уносит всегда что-то тяжёлое, наполняя Светом и воздухом. Язык толстовского текста сплошной, он льётся, заканчиваясь только в конце, не прерываясь ни разу во времени, и длина предложений — есть физическая длина времени. Впусти время в язык, в мир чем-то осязаемым, и оно измерялось бы текстом Толстого. С воздухом

между строк — ещё всегда весна, и талый март. Капель меж словами, ясный морозный воздух где-то над, сменяющийся утренним солнцем, заливающим поля. И всё это вместе — составляет нечто огромное, выплёскивающееся в мир буйным потоком. Весь текст— материализовавшийся Свет. И в языке, и в повествовании, и в чувствах, в мыслях, в авторских отступлениях этот Свет — единоличный правитель, кажется, что он и главный герой, и самое сердце; просто есть, как жизнь.

Свет ещё не может быть без смерти, но смерть является частью единства, Пьер кричал в звёздное небо, что он бессмертен. Мы все — вселенная, и она вечна, а значит и смерти нет. Но Толстой знал, что она на земле, что она давно воплотилось в Тьму, и тот страх смерти у человека неверен, он должен быть перед Тьмой на земле, что этот страх должен обратиться в борьбу, он говорил о грехах и пороках, а ведь они проистекают из общей Тьмы человечества, и Марья вторит, что «люди не виноваты», и ведь это ложь. Но главное — не винить и прощать, мир не изменить, зато можно изменить себя.

Я не узнаю, понимал ли это Толстой, но писал, скорее интуитивно, он с «многомирностью». И может, вся субстанция «войны и мира» не только во времени, время подчиняется человеку, и он подчинил его, безусловно; в книге оно льётся, дышится, не замечается, как воздух и также видимо и осязаемо, и время у Толстого — то самое явление природы, физики ли, человеческого восприятия, неважно, явление, происходящее, когда открываешь окно; на улице холодно, и из комнаты начинает утекать тепло, и видишь как начинает волнами плыть мир, здесь физическое явление, конечно, но какое кому до этого дело, когда можно увидеть тепло и то, что оно делает с миром; но помимо времени здесь ещё и многослойность миров, которую он, видимо, не хотел признавать. И с этим утекающим в мороз теплом комнаты, расслаиваются миры; там, где у Гоголя и Достоевского это расслоение мистическое, на грани сна, за сознанием и немного от чёрта, то у Толстого бессознательно и велико, без границ, просто всё огромное вместе. Выплёскиваются души, а души — миры, и вселенные, и эти огромные, огромные души, в каждой из которой небо, создают тонкий план миров, и так далеки и близки эти слои друг от друга, а это всё ещё и не в мирском, мирской мир остаётся, и там кто-то делит всё на другие пустые слои, рисуя чёрточки между людьми, обзывая кого-то «аристократом», кого-то «дураком», и всё это пусто, тщетно, ведь есть мир над, а в нём ещё больше воздуха и много, много небес.

Но кто бы мог подумать, что Толстой ошибётся. И я почти убеждена в том, что он вписал, выплеснул все эти миры и это открытие, сам того не зная; я могу доказывать это, а другие отрицать, потому что мы сами живём в разных мирах, когда реальность одна, а положений осмотра её множество. И я говорю, что он ошибся, вспоминая «Сонату», и это низкое, низкое копошение в мирском. И отчаянный вопль о том, что мира над нет. А мир над — внутри. И религия тут ни при чём, здесь даже не вера, — уверенность. Как можно сомневаться, что всё пусто? Я говорю о мирах и говорю о том, что все мы одиноки, не ищи себе половину, не ищи ни в ком поддержку, мы все пришли и уйдём по одиночке. Люди, как астероиды, позволят себе лететь по траектории — полетят, и тогда столкновения неизбежны, и столкновения эти случаются с другими душами, но в нашей воле их предотвращать. Что же, Позднышев прав? Браки — не браки, любовь — не любовь? Дело только в чём-то поверхностном? Но это только поверхностное, низкое. Он же, герой «Крейцеровой», говорит о самобытности, утерянной навсегда. Мы не меняем мир. Можно только плакать по людям, гниющим в котле ада на земле, но в нашей воле не оказаться там. Сознание определяет бытиё, не наоборот, общество здесь ни при чём. А любовь всегда любовь, как «роза пахнет розой», это же ведь Свет, это то про, что говорил Болконский перед смертью, когда всё едино, весь мир в тебе — это любовь и это Бог.

Мы снова говорим о влиянии общества, о развращенности общества, о его пороках, зле, несправедливости, глупости и прочей, прочей грязи, заполонившей... мир? Мир разве? Реальность одна, она чиста и кристальна, до сих пор такая же, как райский сад, лишь

с маленькой червоточиной откушенного плода, но грязь это только в глазах, она может наполнить только маленький мирок, кокон вокруг одной души, и тогда да, для этой души уже весь мир погряз в пороке и зле.

Но мы живём в этом мире, в этом обыкновенном мире, и как быть? Это пропасть между истиной и тем, в чём погрязли люди, слишком огромна. И больно и трудно, но в этом и есть смысл, в простом слове — совмещать жизнь с небом. Находить в каждом — свет, быть одному и всем миром сразу, жить каждой секундой и любить. Но где эта простая мораль у Толстого? Она мягко стынет в «Анне Карениной» и покидает его, оставляя только «чёрный мешок», в который пихали Ивана Ильича на голове и не дышится, и покоя нет.

Толстой боялся. Все мы боимся, ведь в этом мире нет бесстрашных, есть только отчаявшиеся. Страх — всегда показатель того, что тебе ещё что-то ценно. Поздняя его литература становится аскетичной монашеской кельей, он идёт к этой келье стремительно, сметая на своём пути всё с желанием избавиться от страха, от непонимания, от боли, которая вызывается простой несовместимостью «высокого» и «низкого», но желание это страстно и делает его беспомощным. И снова поиск бесконечный, мучительный.

И всё оттого, что в писателях есть зерно — дар, и этот дар даёт столько возможностей, распахивает все двери в мир, иди — живи в нём, он твой, а ты его. Но мешает. Мешает та часть, что человечна, мирская обыкновенность, которая не существует без червоточины. И когда многие смиряются с этой частью и огромным разрывом между Светом и Тьмой внутри нас, а писатель — с разрывом между даром и человеком, внушая, что ему позволено, Толстой не смирялся, не смирился до конца. В этом был его Путь.

А ведь его даже нет, нет больше, все уходят и остаётся всего лишь пыль, и страшно, страшно и непонятно. Но. Это станция. Это поезд. Жизнь — это поезд, и Путь — дорога. И у Толстого железные дороги меж мирами с вагонами, в которых отчаявшиеся души. И Анна, лёгшая поперёк дороги, остановившая свой так и не начавшийся Путь. В этом грусть, и даже в этой грусти — Свет; я ведь говорила про Свет, он его не теряет. А поезд идёт дальше, он никогда не остановится.

Можно много слов, но для каждого Путь свой. И нужно одно — разорвать кокон и быть всем миром. Тогда уже ничего, ничего не страшно и ничто не имеет конца.

Что еще почитать на карантине?

Питер Клас. Натюрморт с горящей свечой 1627

Советует Лев Ожегов

Я бы нашёл время для Джона Рональда Руела Толкина — нежданного путешествия Хоббита туда и обратно и «Властелина колец» с долгими дорогами, полными опасных приключений и справедливым и прекрасным окончанием истории — идеально, чтобы преодолеть невзгоды и нашего мира. Особенно здорово попробовать начать читать Толкина на английском, чтобы почувствовать всю магию древних языков и легенд спетых на них. А после — именно после! — погрузиться в Сильмариллион и разгадать начало начал Истории, увидеть всю красоту и могущество Арды.

Особенное предложение для девочек — это «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте. Пережить вместе с героиней все невзгоды , которые выпали на ее долю и порадоваться заслуженному счастью — лучший способ увидеть, что можно и нужно справляться с любыми трудностями. Если же «Джейн Эйр» давно прочитана, то можно открыть для себя тонкий ироничный талант Джейн Остин и начать знакомиться с ней с «Нортенгерского аббатства», отличный способ лучше понимать людей — это безусловно знакомство с именно с этой писательницей.

Для очень серьезных размышлений я бы предложил прочитать то, что стоит в моих планах на прочтение, но я пока ещё не приступил. Эти рекомендации для себя я нашёл у Дмитрия Быкова. Первое — это «Уходящие из Омеласа» Урсулы ле Гуин, научно-фантастическая притча. Автор в своем предисловии определяет произведение как психомиф, центральной идеей которого является тема «козла отпущения», под которой понимается размышление о цене, которую люди готовы платить за своё благополучное существование.

Вторая книга — это «Богатыристика Кости Жихарева» Михаила Успенского. Возможно, она поможет найти ответы на волнующие меня вопросы...

Жил-был в городке Кислорецке, что стоит на реке Кислице, один мальчик. Звали его Костя Жихарев. Хороший был мальчик. Никогда не дрался — врачи запрещали. Надоело им, травматологам, Костиных приятелей лечить… Но был у Кости и один недостаток, уж больно он послушный. Скажут ему ребята во дворе: «Костян, а слабо тебе этот синий «вольво» перевернуть?» Он и перевернёт, потому что не слабо. От такой бесхарактерности юного богатыря у родителей Кости одни неприятности. Вот и решили они его на летние каникулы отправить в деревню Малые Улёты к прабабушке его Патрикее Маркидоновне… Если бы заботливые родители знали, что из этого выйдет! Но ведь каким нормальным папе и маме придет в голову, что их чадо может отправиться во время оно, туда, где нас нет, а вот Колобки, двухглавые филины и богатыри — водятся...

А может, и не только мне эта книга даст ответы...

И ещё в планах книга Карсон Маккаллерс «Сердце одинокий охотник». Не уверен, что осилю, но пытаться буду обязательно, потому что равнодушных среди читателей этого произведения я не находил. Сюжет такой:

Маленький южный городок 1930-х, задыхающийся от скуки, жары и скрытой ненависти. Городок, в котором ничего не происходит – и в то же время происходит слишком многое. Городок, где разбиваются сердца. Здесь развивается печальная драма одиночества глухонемого мудреца Джона Сингера и трагедия доктора Копленда, позволившего себе забыть, что значит быть черным на Юге. Здесь тлеет недовольство жизнью в Бифе Бреннане – благополучном хозяине преуспевающего кафе. И здесь, к несчастью, довелось расти и взрослеть талантливой девочке Мик Келли...

ЧТО ПОСМОТРЕТЬ?

Вся история мирового кинематографа перед вами, но вы не знаете, с чего начать? Рассказывает Варвара Юрьева

«Ран», 1985,
реж. Акира Куросава

Самурайская эпопея знаменитого японского режиссёра, масштабное переложение истории шекспировского короля Лира на японский лад: князь Хэдиторо Ичимондзи делит свою землю между тремя сыновьями: Таро, Дзиро и Сабуро, который указал отцу на ошибочность решения, за что тот проклял его и лишил наследства, не поняв, что именно Сабуро по-настоящему любит отца, в отличие от лицемерных старших братьев… «Ран» – яркий и красочный пример и своеобразия японской культуры, и специфики японского кинематографа: особый психологизм, некоторая статичность кадра, неторопливое повествование, фокус на мимике персонажей и обращение к истории Японии.

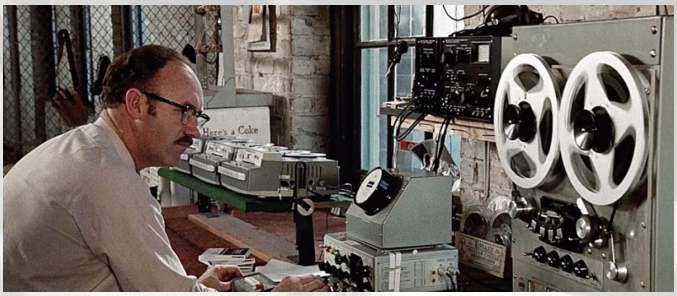
«Сияние», 1980,
реж. Стенли Кубрик

Кинокартина для тех, кому сейчас не хватает острых ощущений, тем более что сюжет как раз о вынужденной изоляции: Джек Торренс с семьёй остаётся в отрезанном от остального мира отеле на зиму, чтобы следить за помещениями до следующего сезона, но само место имеет историю, полную преступлений и крови, а предыдущий смотритель сошёл с ума, убив всю свою семью… Я не поклонница хоррора, но этот фильм действительно хорош: гнетуще-пугающая атмосфера, где ужас накатывает даже в моменты, когда ничего не происходит, талантливый Джек Николсон в главной роли, тщательно, геометрически выверенное построение каждого кадра, характерное для творчества Кубрика, увлекательный сюжет… Но нужно сразу предупредить: фильм и правда очень страшный, будьте к этому готовы!

18+

«Репетиция оркестра», 1978,
реж. Федерико Феллини

Несмотря на всю свою нелюбовь к телевидению, Федерико Феллини, признанный гений мирового кинематографа, всё-таки снял несколько телефильмов – в том числе «Репетицию оркестра». Это фильм-притча, фильм-аллегория и фильм-метафора, снятый в псевдодокументальной манере: музыканты оркестра и дирижёр словно дают интервью невидимому журналисту, находящемуся за кадром. В оркестре есть своя иерархия, свои правила – и на почве этого нарастает конфликт между дирижёром и музыкантами, постепенно перерастающий в полномасштабный бунт, в течение которого свергаются прежние ценности и идеалы. Как и всегда у Феллини, драматическая история, в данном случае история разлада в обществе, обильно разбавлена комическими элементами; эти причудливые сочетания вкупе с визуальной поэтичностью составляют тот особый киноязык, которым знаменит итальянский режиссёр.



«Разговор», 1974, реж. Френсис Форд Коппола

Френсис Форд Коппола известен как создатель культового «Крёстного отца», однако сам режиссёр всегда ценил больше именно «Разговор» – психологический детектив о мастере прослушки Гарри Коуле, который получает заказ на запись разговора молодой парочки. В процессе работы Гарри понимает, что за ним следят, а результат его труда может стать причиной убийства... «Разговор» – фильм об ответственности за свои действия, о паранойе, ставшей символом Америки тех лет – после скандала с попыткой прослушивания штаба президента Никсона (Уотергейтский скандал), а также просто интересный детектив, где всё совсем не так, как казалось.

«Окча», 2017, реж. Пон Чжун Хо

Кинокартина южнокорейского режиссёра, снявшего нашумевших «Паразитов», получивших в этом году четыре Оскара и Palme d'Or в Каннах. Как и в «Паразитах», Пон Чжун Хо мастерски смешивает разные жанры: здесь и сатира, и приключенческая драма, и триллер. «Окча» на первый взгляд кажется невинной историей о девочке из корейской деревушки, противостоящей огромной американской корпорации, чтобы спасти своего друга — бегемотоподобную суперсвинью Окчу, однако всё далеко не так просто! Приготовьтесь к язвительным карикатурам и неожиданным поворотам.

«Маленькие женщины», 2019, реж. Грета Гервиг

Фильм, созданный по одноименному роману американской писательницы Луизы Олкотт; история о женщинах, снятая и написанная женщиной – и при этом никаких слишком навязчивых феминистских лозунгов! Очень добрая, трогательная и душевная (как и другие работы Гервиг) кинокартина о взрослении четырёх сестёр: Мег, Джо, Бет и Эми, об их первых влюбленностях и разочарованиях, о доверии и прощении, о настоящем творчестве и о любви к близким. Часто фильмы получаются хуже книг, но этот – исключение; каждый персонаж – именно такой, каким его задумала писательница, и, уверяю вас, вы не будете разочарованы!

«Ганди», 1982, реж. Ричард Аттенборо

Байопик о знаменитом индийском общественном деятеле Махатме Ганди, стороннике толстовской концепции ненасильственного сопротивления. Фильм раскрывает основные события биографии этого несомненно великого человека, и хотя некоторые считают, что взгляд режиссёра – слишком «британский» местами, по-моему, индийская культура и мировоззрение отражены в кинокартине с пониманием и уважением. Для меня лично этот фильм стал первым серьёзным и обстоятельным знакомством с философией Ганди и с его удивительной личностью.

А это что такое?

От традиционных книг и фильмов к новому явлению культуры. Исследует Варвара Юрьева.

В нынешних условиях всё меняется — и меняется фотография, как следствие изменений в образе жизни. Становится возможным и необходимым такое явление как онлайн-фотография, т.е. фотография с помощью веб-камеры и программы вроде Скайпа. Разумеется, это вынужденная мера в рамках изоляции, но она выводит фотографию на новый уровень: степень доверия между моделью и фотографом растёт, так как обе стороны видят дом друг друга, наверное, самое важное место в жизни каждого человека (особенно сейчас); кроме того, вся эта ситуация заставляет нас заново переосмысливать роль фотографии и её сущность.

Фотография — совершенно уникальная и ни на что не похожая сфера визуального искусства. Фотограф вынужден работать с огромным количеством материала вокруг и выбирать важное. В этом смысле фотография прямо противоположна живописи по своей сути: если при написании картины (создании скульптуры и т.д.) художник создаёт что-то новое фактически из ничего, кроме разве что своего воображения (о технических деталях речь не идёт), то фотограф, напротив, уже имеющееся преобразует в несуществующее. Фотография – запечатление момента и света в моменте (что следует из этимологии), но прошлое больше не существует, и остаётся только изображение чего-то, чего уже нет — хрупкое и таинственное в своей зыбкости изображение, единственное напоминание об уже несуществующем. Свет, между прочим, тоже остаётся несуществующий: фотоны в момент детектирования (т.е. определения, запечатления, видения) исчезают, поэтому на плёнке/SD-карте остаётся след навсегда (подумать только!) пропавшей частицы, которой уже никогда не будет снова.

Основное отличие фотографии от кино в том, что запечатлённые на видео моменты существуют в то мгновение, когда запись проигрывается перед нами — тогда как фото лишь намекает на события, которые мы можем и не видеть, и не знать. Кино, наверное, более ощутимо — оно может повториться раз,

два, три... Так до бесконечности; кино (и вообще видеоискусство) даёт нам возможность заново переживать — оно консервирует ускользающие следы фотонов. Фотография же лишена этого свойства — и оттого это всегда особенно волнительный процесс, каждый раз переживаемый по-новому; и оттого это так сложно.

Ключевое место в процессе фотографии занимает необходимость выбирать; выбирать ту часть, деталь существующего, которая останется после того, как момент исчезнет, завершится. Выбор обусловлен разными факторами, всегда — разными, у каждого — разными. Чаще всего, конечно, это происходит интуитивно: мы инстинктивно стремимся ухватить то, что кажется нам более важным, достойным; и у каждого — своё. Тем самым фотография ещё более отрывается от существующего: остаётся не просто отблеск ушедшего — остаётся отблеск уже пропавшей частички ушедшего; и эта частичка создаёт собой призрачный, иллюзорный контекст, не отображенный, но подразумевающийся, несуществующий, но потенциально существовавший. В этом мираже есть что-то почти мистическое, как и в воспоминании; однако фотография не воспоминание, хотя воспоминание и может стать подобием фотографии (где-то у Набокова: «если слишком часто обращаться к воспоминаниям, они из живых призраков превращаются в глянцевые фотографические открытки»).

Главная особенность онлайн-фотографии заключается в её обманчивой «ненужности»: в самом деле, зачем нужен человек-фотограф в экране, если то же самое можно сделать самостоятельно с помощью той же веб-камеры и таймер? И ответ — снова о доверии. Доверие к фотографу заключается в непоколебимой уверенности в его вкусе и чувстве меры, в знании: то, что ты мог бы сделать сам, этот человек сделает профессиональнее, и ты согласен с его видением. Без доверия работать сложно и бесполезно — уж лучше тогда воспользоваться таймером.

Я в фотографии дилетантка и любитель, и до совершенства мне далеко; тем не менее фотографирую я с удовольствием. Иногда получается действительно очень неплохо: не так давно провела несколько онлайн-фотосессий, и результат если и не превзошёл ожидания, то по крайней мере оправдал их — спасибо Диме и Маше за доверие!

(на фотографиях: Мария Шандрик и Дмитрий Каленюк. Фотографии сняты: Машины — с помощью iPad через Скайп, Димины — с помощью айфона через Дискорд)